

Конституционное право

УДК 342

КРАВЧЕНКО Владислав Олегович, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», институт прокуратуры, направление "Правовое обеспечение национальной безопасности", Москва (E-mail: vokravchenk@gmail.com)

**НЕДОПУСТИМОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПРАВА В КОНТЕКСТЕ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Аннотация:

Предметом исследования являются явления конституционализации в трех её аспектах, а также связь последней с принципом недопустимости злоупотребления правом.

Цель работы – проанализировать отраслевой принцип недопустимости злоупотребления правом, дать толкование релевантной норме (части 3 статьи 17 Конституции), выявить влияние процессов конституционализации на содержание отраслевых принципов права с теоретической точки зрения.

Методология исследования – общенаучные и частнонаучные методы познания явлений и процессов. При проведении исследования применялись такие методы научного поиска, как формально-логический, аналитический, сравнительный и другие.

Выводы автора следующие. Существуют три аспекта конституционализации: как процесса, как тенденции, как признака правовой системы. Подчеркивается присущая национальным правовым системам тенденция конституционализации. Дается авторское определение термина конституционализации. Отмечаются в качестве самостоятельных явления конституционализации права, общих принципов права, судебной системы, судебной практики etc. Дается толкование части 3 статьи 17 Конституции РФ в двух вариантах: ограничительное и распространительное с тем, чтобы доказать общеправовое, конституционное значение принципа недопустимости злоупотребления правом. Констатируется определенный уровень конституционализированности указанного принципа.

Результатом работы стали выводы о возможности защиты не только лишь нарушенного «права человека» (конституционного субъективного права), но и законных интересов и о том, что принцип недопустимости злоупотребления правом является конституционным и общеправовым.

Ключевые слова: конституционализация, права человека, злоупотребление правом, принцип права, законный интерес.

JEL classification: K10

Constitutional law

Vladislav O. Kravchenko, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Institute of the Prosecutor's Office, training program of the Legal Support of
National Security, Moscow (E-mail: vokravchenk@gmail.com)

THE INADMISSIBILITY OF RIGHTS ABUSE AS A CONSTITUTIONAL LAW PRINCIPLE IN CONTEXT OF THE CONSTITUTIONALIZATION PROCESS

Abstract

Subject The present paper deals with the phenomenon of the constitutionalization in its three aspects and its link with the principle of inadmissibility of rights abuse. The main goals of the research are to analyze the civil law principle of inadmissibility of rights abuse, to interpret the relevant legal rule (namely Constitution part 3 article 17), to discover the influence of the constitutionalization processes on law principles from theoretical point of view.

Methodology Within the conducted research the following methods were used: analysis, formal logical, comparative etc.

Conclusions and Relevance. Such constitutionalization aspects as a process, a tendency and a legal system characteristic have been analyzed. The constitutionalization tendency of legal systems is highlighted. The definition of this term is given. The phenomena of the constitutionalization of law, constitutionalization of common legal principles and constitutionalization of judicial practice are noticed as autonomous ones. The interpretation of the Constitution of the RF part 3 article 17 is given both in expansive and restrictive ways in order to prove the constitutional meaning and significance of the principle of inadmissibility of rights abuse. The possibility of legal interests' protection instead of only human rights protection is concluded. It is also concluded that the principle of inadmissibility of rights abuse is an constitutional one and it has significance for the whole legal system.

Keywords: constitutionalization, human rights, abuse of rights, law principle, legal interest.

В настоящее время отечественный правопорядок находится в переходном положении: стараясь избавиться от рудиментов прежнего государственного строя, нивелировать отголоски старого общественного правосознания (или его отсутствия), Россия старается перенять лучший зарубежный опыт, адаптируя его к условиям функционирования отечественной правовой системы и углубить тем самым ценность собственного права. Такой подход абсолютно приемлем, так как существует великое множество зарубежных практик, которые эффективны и проверены временем. Однако использовать метод рецепции для совершенствования национального законодательства нужно крайне осторожно.

Существует множество примеров в истории и современности, когда слепая имплементация того или иного чужеродного института не только не приносила ожидаемых результатов, но и создавала почву для злоупотреблений и иных форм недобросовестного поведения, приносила с собой лишь дополнительные проблемы.

Поэтому, и не только поэтому, Конституция призвана быть вершиной национальной системы права, в первую очередь с тем, чтобы вся эта система выстраивалась и, что не менее важно, функционировала в соответствии с ней. Главным образом, процессы конституционализации призваны обеспечить перестройку нормативного массива с целью устранения противоречий и пробелов так, чтобы отечественный правопорядок соответствовал общепризнанным стандартам и отвечал вызовам времени. Решение внутренних правовых проблем путем конституционализации правовой системы обеспечит необходимые условия для решения ряда важнейших проблем, таких как становление правового демократического государства, повышение инвестиционной привлекательности отечественной экономики, повышение уровня жизни граждан и ряд других.

Термин «конституционализация» может использоваться, как минимум, в следующих значениях: как объективный политико-правовой процесс, как тенденция развития и как признак правовой системы. Причем в литературе упоминаются в качестве разнопорядковых, но смежных друг с другом, понятия конституционализации права, общих принципов права, судебной системы, судебной практики и тому подобные [1], которые, несомненно, должны рассматриваться как аспекты единого комплексного явления, имеющие общую правовую природу и основание.

Под процессом конституционализации, по нашему мнению, следует понимать совокупность последовательно сменяющих друг друга этапов приведения национальной правовой системы в полное соответствие Конституции и её идеальному смыслу, а также наполнение всех элементов системы права конституционно-правовым содержанием и смыслом. Определение того, на каком этапе в данный исторический период находится Россия и вообще выделение таких этапов представляется затруднительным по причине отсутствия четкой стадийности данного процесса и его чрезвычайной многогранности и всеобщности.

Как тенденцию конституционализацию характеризует её

направленность, объективность, многоаспектность и вариативность путей развития. Данная тенденция хотя и является объективной и естественной, однако для своего развития требует постоянного стимулирования, которое, главным образом, осуществляет Конституционный Суд РФ. Толкование Конституции, которое содержится в решениях последнего, является отражением так называемой доктрины «живой конституции», которая в настоящее время почти безусловно перенята всеми представителями российской науки конституционного права, включая и самих судей Конституционного Суда [2]. В связи с этим уместно отметить, что принимая во внимание множественность возможных определений понятия Конституции под различными преломлениями, Конституция подразумевает под собой не только собственный текст и даже не только и не столько «дух Конституции», сколько те существенные характеристики права в целом как социального явления, преломленные под конкретные исторические обстоятельства, которые позволяют всем сознательным субъектам более или менее однозначно понимать что суть право. От понимания сущности права зависит, в свою очередь, решение таких фундаментальных проблем, как обоснование и применение принципов права, определение пределов реализации субъективных прав и определение границ сферы правового регулирования.

Наконец, в качестве признака правовой системы конституционализация подразумевает некоторую степень развитости правопорядка и такие присущие ему свойства, как признание и реальное обеспечение прав человека, нормального общественного взаимодействия последнего на равных условиях с равными ему субъектами для удовлетворения собственных материальных и нематериальных потребностей.

Представляется, что используя термин «конституционализация» следует иметь в виду все его значения, включая, но не ограничиваясь, перечисленные выше. Несомненно, такое многогранное понятие требует дальнейшего комплексного и глубокого изучения само по себе, возможно с приданием ему статуса общеправовой фундаментальной категории наряду с источниками и принципами права, процессами интеграции и глобализации права и другими.

Одним из аспектов конституционализации в целом является и наполнение конституционным содержанием принципов права, в том числе и отраслевых. К таким принципам традиционно относится

гражданско-правовой принцип недопустимости злоупотребления правом. Однако является ли упомянутый принцип лишь только гражданско-правовым? По нашему мнению, данный принцип вполне может претендовать на статус конституционного и общеправового, что и обосновывается далее.

Для этого, прежде всего, следует определить его конституционно-правовую основу и дать толкование соответствующей норме. Таковой является ч. 3 ст. 17 Конституции, которая гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Однако ключевой момент в данной норме содержится в том, что права и свободы человека и гражданина используются в качестве термина, который традиционно определяется как совокупность особо ценных, неотъемлемых и неотчуждаемых субъективных прав, присущих любому человеку или гражданину государства (в данном случае, разумеется, России).

В толковании данной нормы в рассматриваемом аспекте наблюдается два варианта. Первый, узкий, заключается в том, что права и свободы человека и гражданина действительно означают лишь те общепризнанные, надлежаще оформленные на международном уровне субъективные права, которые традиционно и называются правами и свободами человека и гражданина. Из этого следует, что в конституционно-правовом смысле установлены пределы осуществления лишь этих прав и никаких других (что само по себе, конечно, не отменяет и не умаляет значения пределов осуществления права в отраслевом законодательстве, например в гражданском праве (ст. 10 ГК РФ)). При втором варианте толкования рассматриваемой нормы, исходя из отмечаемых в литературе и наблюдаемых в практике Конституционного Суда тенденций расширительного толкования Конституции [1], права человека будут толковаться уже во взаимосвязи со всем нормативно-правовым массивом и служить основой для применения субъективных прав, которые устанавливаются в отраслевом законодательстве (в данном случае, в ГК РФ), а последние, в свою очередь, будут как бы продолжением конституционно закрепленных прав и свобод, будут преломляться к определенной отрасли в соответствии с особенностями её предмета и метода.

Во втором случае под правами, которые указаны в ч. 3 ст. 17 Конституции, можно понимать либо весь массив субъективных прав лица, которые характеризуют его правовой статус, либо наиболее

значимые из них. В любом случае, при таком толковании границы осуществления права, установленные рассматриваемой нормой, применимы ко всем или к множеству субъективных прав, которые не являются общепризнанными в традиционном смысле и, таким образом, принцип недопустимости использования права с неправомерным причинением вреда другому лицу является конституционным и общеправовым.

В связи с этим важно также подчеркнуть следующее. В формулировке рассматриваемой нормы, даже если исходить из второго варианта толкования, говорится только о правах (и свободах, которые в строго юридическом смысле суть субъективные права), но не о законных интересах, что затрудняет развитие данного принципа и его применение. Поэтому автор считает, следуя за той же тенденцией расширительного толкования конституционных положений, что по смыслу данной нормы во взаимосвязи с другими релевантными положениями реализация права с нарушением законных интересов другого лица есть не что иное, как тот же выход за конституционные пределы осуществления права.

Такое толкование косвенно подтверждается и позицией Конституционного Суда. В одном из постановлений, где подчеркивается, что «по смыслу статей 17 (часть 3), <...> должен соблюдаться баланс <...> прав и законных интересов» [3]. Из текста постановления следует, что защите в данном случае подлежит именно интерес, а не право, так как никакое право, в строгом смысле, не нарушается, правонарушение отсутствует.

Итак, принцип недопустимости злоупотребления правом¹ предполагает равным образом запрет как на нарушение чужих прав, так и законных интересов, то есть любое использование субъективного права с причинением какого-либо вреда (имущественного или неимущественного) другому лицу (так как у любого лица а priori есть интерес в том, чтобы ему и его имущественной сфере не наносился вред); данный принцип является конституционным и распространяет свое действие на все общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования.

¹ Думается, позволительно называть его именно таким образом. При этом автор сомневается в том, что при глубоком изучении понятий «принцип недопустимости злоупотребления правом» и «принцип недопустимости использования права с неправомерным причинением вреда другому лицу» обнаружат полную тождественность.

Список источников:

1. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М.: РГУП, 2016. - 184 с. – С. 5, 27-32.

2. Зорькин В.Д. Конституционный суд и развитие гражданского права // Российский судья, 2012. N 3. С. 5-13.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 N 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чadaевой». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 27.05.2017).

References:

Umnova (Konyuhova), Aleshkova (2016) – Umnova (Konyuhova) I.A., Aleshkova I.A. Implementation of the Constitution of the Russian Federation by courts of common jurisdiction: the issues of theory and practice [Primenenie Konstitucii Rossijskoj Federacii sudami obshchej yurisdikcii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: monografiya]. M.: RSUJ [RGUP], 2016. - 184 p. – P. 5, 27-32.

Zor'kin (2012) – Zor'kin V.D. The Custitutional Court and the development of civil law [Konstitucionnyj sud i razvitie grazhdanskogo prava] // Russan judge [Rossijskij sud'ya], 2012. N 3. P. 5-13.

The Constitutional Court Decision from 08.06.2010 to the case of Chaadaeva V. complaint on the Civil Code part 4 article 292 N 13-P [Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.06.2010 N 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 4 stat'i 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki V.V. Chadaevoj»].